Вот не успеешь поесть утром, а в обед вдруг война — и до ужина ты не дожил, голодный, как дурак.
Андрей Белянин
ЧВК
«ХЕРСОНЕС»

Андрей Олегович Белянин
ЧВК Херсонес

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69182509
ЧВК «Херсонес» / Андрей Белянин: Феникс; Ростов н/Д; 2023
ISBN 978-5-222-40050-0

Аннотация

Вы любите Крым, море и солнце?
Вас не смущают обнажённые сотрудницы и фонтаны вина?
Вы не боитесь зомби-нацистов, маньяков и древних монстров?
А главное, любите ли вы историю искусств?!
Тогда ЧВК «Херсонес» ждёт вас!
P. S. Похороны за счёт компании.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 29

Андрей Белянин
ЧВК «Херсонес»

© Белянин А., текст, иллюстрации, 2022
© ООО «Феникс», оформление, 2023
© Аджиев Б., обложка, 2023
© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com, 2023

…Всё началось вот с этого небольшого объявления, вычитанного мной в интернете. Я как раз озаботился поисками новой работы, поэтому разнообразные ссылки в поисковике всплывали постоянно.

«Частный выставочный комплекс музея “Херсонес”,

город Севастополь, Республика Крым, ищет молодого, холостого, не обременённого обязательствами иногороднего, физически здорового, перспективного специалиста по истории искусств. Высшее образование обязательно, опыт работы желателен, любовь к приключениям приветствуется, зарплата гарантируется, жильё предоставляется; полный социальный пакет, включая похороны за счёт управляющей компании».

Последние слова можно было счесть неудачной шуткой креативного менеджера. Сейчас в рекламщики набирают кого попало, сами знаете. В остальном же думаю, что получить такое местечко было бы пределом желаний любого выпускника нашего курса. Хотя, быть может, я и ошибаюсь.

Просто бюджетники, как правило, не самые богатые люди, а уж финансирование провинциальных музеев в необъятной России всегда идёт по остаточному принципу. Для нашей работы необходимы не только упёртость, готовность к самопожертвованию, но и неслабый уровень начитанного романтизма. И, естественно, никакой семьи, перспектив на наследство и надежд на перевод в Третьяковку или Петергоф.

Я окончил отделение истории искусств в знаменитом Екатеринбургском университете, потом отслужил срочную в морской пехоте на Балтийском флоте, и естественное желание переехать на не слишком пыльную работу в солнечные края превысило здоровую осторожность. Ну, или всё дело было в подкрадывающемся отчаянии…

Мне довелось поработать то там, то тут, преподавать, вести частные уроки рисования; один раз даже уходил в коммерцию, но всё это без особого успеха. А поскольку недавно мне исполнилось двадцать восемь, я вдруг загорелся стремлением хоть чего-то достичь в этой жизни. Но не в бывшем Свердловске, увольте…

Поэтому, когда на отправленное мною резюме пришёл положительный ответ, я на последние деньги, не задумываясь, взял билет на самолёт. Родители в принципе были не против, им хватало хлопот с двумя моими младшими сёстрами. Жениться я не успел, а моя вторая бывшая девушка развлекалась в очередной секте женского счастья посредством «хакни-медитации».

Все вещи и книги уместились в небольшой чемодан, мама перекрестила меня, отец похлопал по плечу, сёстры-близняшки крикнули вслед: «Аря-ря-я!», взяв с меня обещание присылать рисунки, и вот уже третьего июля компания «Уральские авиалинии» аккуратнейшим образом доставила меня в новенький аэропорт Севастополя почти на закате дня. Крым наш! Но, вопреки чаяниям, меня там никто не ждал…

Как говорили старики-римляне: *Ave, Caesar, te salūtant!*[1], что в переводе значит: а кто ты, собственно, такой, чтобы тебя встречали цветами и оркестром?

То есть со стороны администрации музея, конечно, никто

---

[1] В оригинале высказывание звучит: *Ave, Caesar, moritūri te salūtant!* – «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» (лат.)

и не обещал ковровую дорожку с лимузином, но почему-то данный момент оказался первой ноткой странностей этого дня. Я вызвал такси, указал адрес, и мрачноватый пожилой татарин, совершенно непохожий на наших казанских, симбирских или астраханских татар, повёз меня какими-то кручёными улочками на окраину города. Ну разумеется, «так короче», ага…

Севастополь в обширной зелени парков производил двойственное впечатление: обшарпанность зданий ещё советских времён резко контрастировала с праздничными кварталами новостроек. Но главным было не это, а то, что почему-то к знаменитым развалинам старого греческого Херсонеса мы не поехали, свернув куда-то в глушь, в частный сектор, ближе к морю.

И да, прежде чем я успел удивиться или возмутиться, такси тормознулось у ограды двухэтажного кирпичного домика с тремя белыми колоннами, на дверях которого действительно имелась позолоченная музейная табличка.

Сдачи у водителя традиционно не было.

«Пёс с ним», – философски решил я, вытаскивая чемодан из багажника.

Старик-татарин укоризненно покачал головой, сплюнул в сторону музея и укатил восвояси так быстро, словно опасаясь немедленного наказания. К слову сказать, не так уж он был и неправ. Я лишь успел коснуться рукой калитки, как

словно из-под земли вырос лохматый коренастый горбун и едва ли не с лаем кинулся на меня!

– Извините. Я по объявлению. Мне к директору…

Горбун, не сводя с меня маленьких чёрных глаз, но перейдя на сдержанный рык, позволил мне войти за ограду. По узкой тропинке из настоящих мраморных плит я прошёл к дому, поднявшись по четырём ступеням, и, не найдя кнопки звонка, деликатно постучал.

Надпись на табличке подтверждала, что завезли меня по верному адресу, так как это и есть **музей «Херсонес».**

Частный выставочный комплекс. Удивляло лишь то, что, кроме кроме названия, написанного стилизованным греческим шрифтом, на таблице не было ничего больше: ни расписания работы, ни ценника за билет, ни даже контактного телефона или имейла. Откуда-то изнутри раздались очень медленные шаркающие шаги, а потом дверь открылась.

– Ужели вижу я не мальчика, но мужа? Героя, открывающего вход во врата Аида иль, быть может, даже дворца Олимпа, где в свободных тогах пирует небожителей толпа? – шутливо приветствовал меня довольно-таки моложавый, приятный пухлый мужчина в белом брючном костюме из мятого льна.

Вьющиеся рыжие волосы почти до плеч, собранные в оригинальную причёску, прямой нос, округлившееся с возрастом лицо, чуть капризные полные губы, круглые тёмные очки, как у кота Базилио. Он улыбнулся мне в ожидании ответа.

– Здравствуйте. Я ваш новый сотрудник Александр Грин.

Да, увы, родители не задумывались о том, как мне придётся жить под сенью такого имени. Кудрявый толстячок искренне рассмеялся, за рукав втягивая меня в дом.

– Заходите, не смущайтесь, мы все вас ждём! Как говорится, «посидим, попьём вина, закусим хлебом…» Позвольте представиться: Аполлонов Феоктист Эдуардович, директор сего приюта шалопаев, помешанных на истории Крымского полуострова.

Мы прошли в очень тёмный коридор и сразу же, свернув из него направо, вдруг оказались в залитом оранжевым солнцем саду в окружении олив и кипарисов, даривших спасительную тень. В самом центре бил небольшой фонтанчик, украшенный обломками древних колон в коринфском стиле, там же стояли четыре мраморные скамьи, а над нашими головами пели незнакомые мне птицы.

– Чудесный сад! Наверное, чисто музейные помещения в другом крыле?

– Ну, в целом да. Они есть, – не очень уверенно ответил директор, но, поправив очки, вновь заулыбался. – Сосо Церберидзе вы уже видели. Он наш охранник, ночной сторож и дворник, един, так сказать, в трёх лицах. Идёмте, представлю вас остальному коллективу.

Откуда-то из-за древесного ствола показалась очень стройная девичья фигурка, в полупрозрачном облегающем сарафанчике, надетом… если мои глаза не врут… прямо на голое тело. И, клянусь Ранним Возрождением, это было самое совершенное сочетание роста, талии, плеч, объёма груди, увенчанное чудесной голубоглазой головкой в ореоле золотых кудряшек.

– Мы называем её «наша Афродита»! Хотя по паспорту она Гребнева Светлана Сергеевна. Наш младший научный сотрудник, специализируется на чёрнофигурной и краснофигурной вазовой росписи. Уникальный специалист, настоятельно рекомендую подружиться! Светочка, а я к вам с го-

стем! Вот, только что доставлен прямым рейсом из Москвы – и сразу к вашим ножкам, так сказать…

– Из Екатеринбурга, это за Уралом, – я больше и слова вымолвить не успел, как девушка вперила в меня влюблённый взгляд, в доли секунды словно пронзив сердце электрическим разрядом. Её щёки заалели, ресницы взметнулись вверх, и она шагнула навстречу мне, поводя плечиками так, что сарафан начал соскальзывать…

– Очень приятно. Грин. Александр. Можно просто… Саша. Я ещё не…

– А я уже да-а-а, – фактически простонала она, откровенно пытаясь забросить руки мне на шею, но Феоктист Эдуардович очень вовремя встрял между нами. Светлана разочарованно опустила тонкие бровки…

– Ай-яй-яй, Гребнева, вы же мне обещали. Никаких интрижек на рабочем месте! А то знаем мы вас, молодых, – подмигнул директор, вытер выступившие бисеринки пота рукавом и подтолкнул меня к фонтану: – Александр, прошу познакомиться с нашим старшим сотрудником Земновым Германом Николаевичем.

Я не сразу понял: о ком это он? И лишь когда груда старых

камней вдруг выпрямилась в полный рост, протягивая мне лопатообразную ладонь, стало понятно, с кем мне предстоит иметь дело. С самым настоящим великаном.

Земнов был на две головы выше меня, наверное, вчетверо шире в плечах, но обладал скорее фигурой пауэрлифтера, чем культуриста. Одет в свободную серую рубашку и джинсовые шорты ниже колен. Лицо простое, открытое, тёмно-русые волосы, небольшая бородка, так что в целом, наверное, больше напоминает былинного Илью Муромца, чем скромного музейного червя.

– Очень приятно, – смущённо прогудел он.

– Мне тоже, – я осторожно пожал его руку. – Могу спросить, а вы по какой части?

– Герман – крупный специалист по бронзе, меди, прочим металлам и мраморной скульптуре, – пояснил довольный директор. – Ну вот вы и знаете нас всех. Коллектив у нас небольшой, дружный, так что вливайтесь, пожалуйста! А сейчас пройдёмте-ка в мой кабинет: оформим документы, подпишем бумаги. Чемоданчик можете оставить тут, он никому не помешает.

Собственно, я был настолько потрясён всем увиденным: южным закатом, зелёным садом, приятными людьми, искренним гостеприимством, с которым никогда не сталкивался ранее, что безропотно позволил взять себя под руку и увести обратно в тот тёмный коридор, являвшийся по факту дорогой в любом направлении. Абсолютно в любом, если вы

поняли.

Рабочий кабинет директора музея оказался сразу за поворотом налево. Небольшой, но вполне себе современный офис, дорогая мебель, шкаф с книгами, компьютер, папки бумаг, телефон… вроде бы всё. Да! Ещё большая карта Крымского полуострова и календарь с изображением восхода солнца над развалинами Херсонеса, украшавшие противоположную стену.

– Прошу садиться, молодой человек, – уже совершенно деловым тоном предложил Феоктист Эдуардович, опускаясь в коричневое кожаное кресло. – Итак, диплом об окончании учебного заведения, паспорт, страховое, ИНН?

– Паспорт, – я выложил его на стол, – остальные документы в чемодане. Принести?

– А-а, ерунда, успеется. Для начала позвольте пару вопросов. Отвечайте быстро, не раздумывая. Что отсутствует у большого сфинкса в Долине царей?

– Нос. Отбит артиллерией Наполеона.

– Отлично. Моне?

– Клод.

– Мане?

– Эдуард.

– Альбрехт Дюрер, автопортрет на фоне окна, техника?

– Живопись, масло, дерево.

– «Русская Венера»?

– Борис Кустодиев, 1925-26 год.

– У вас смартфон? Чего я спрашиваю, у какого современного человека его нет. Но имейте в виду, что любые фотографии музея, коллекции и даже сотрудников строжайше запрещены. То есть для внутреннего употребления, по работе, снимайте всё, что вам нужно, но делиться в Сети…

– Понятно. А рисовать можно? Ну, я не люблю писать письма, я рисую их.

– Очень интересно! Мы всегда поощряем творческое развитие наших сотрудников. Можно взглянуть?

Я достал новый корейский смартфон, открыл папку изображений и передал директору. Он бегло пролистал с десяток рисунков, удовлетворённо хмыкнул и вернул мне.

– Достаточно, похоже, вы нам подходите. Теперь осталось выяснить, подходим ли мы вам, – Феоктист Эдуардович вдруг подмигнул столь игриво, что это граничило с фамильярностью. – Вы можете снимать квартиру в городе, но обычно все наши сотрудники, включая меня, живут при музее, в гостевых комнатах. Условия почти спартанские, зато всё бесплатно. Зарплата начисляется раз в месяц, в рублях или серебряных драхмах.

– Простите?

– Шутка! Не будьте таким серьёзным, Александр, хотите выпить?

– Я не особо…

Но он уже достал из шкафчика стола бутылку красного и два больших чистеньких фужера.

– Старая Агора, чёрный мускат, до сих пор производится по греческим традициям виноделия. И уж поверьте старику, ни один музейный работник не выживет в Крыму без стаканчика доброго вина! Пейте, друг мой, ибо это высочайший дар бога Аполлона и Диониса, древнее лекарство, дарованное человечеству во спасение от сумасшествия, и глоток счастья…

Я пригубил чисто из вежливости, но тут же понял, что ничего подобного никогда не пил. Греческое вино было густым, невероятно насыщенным по цвету и вкусу, а его крепость мягко нивелировалась сладкой кислинкой. Ума не приложу, каким цыганским заговором Феоктист Эдуардович умудрился влить в меня весь фужер объёмом с пол-литра, но после этого я легко позволил переселить себя в крохотную комнатку шесть-семь квадратных метров.

Узкая кровать, один табурет, крохотный (чуть больше того же табурета) стол, небольшое окно, выходящее в заросший чёрной смородиной угол сада, одинокая лампочка под потолком. Все удобства в конце по коридору. Горячая вода подаётся по расписанию, но это частая беда многих курортных городов. Зато туалет новый, там даже есть полочка с журналами.

Также меня заранее предупредили, что Светлана Сергеевна имеет привычку ходить в душевую на рассвете, босиком, укутанная лишь в небольшое полотенце. Все привыкли, никто не смущается, но вставать раньше восьми утра не стоит

чисто из вежливости.

На Германа периодически нападают периоды грусти, он может не спать до полуночи, вздыхать, играть на цитре, тревожа покой остальных постояльцев длинными немузыкальными руладами. Приставать к нему с сочувствием не нужно, скорее, он способен в ответ заразить своим унынием кого угодно. Благо, всё это ненадолго, а тяжёлые гири быстро приводят его в форму.

Старик Церберидзе, абхаз или, скорее, грузин, судя по фамилии, живёт в собственной глинобитной клетушке во внутреннем дворе. Ни с кем не дружит, нелюдим, говорит мало, похоже, у него вообще проблемы с русским. Тем не менее как сотрудник абсолютно безотказен, трудится за троих, не пьёт, не водит женщин, зарплату копит на карте.

Директор, как потом оказалось, слегка слукавил относительно самого себя. У него была трёхкомнатная квартира в городе, по его же рассказам, довольно-таки роскошная, а слова, что он-де живёт в музее, относились лишь к его рабочему кабинету, где он проводил время по циклам природы – исключительно от заката до рассвета! Зимой рабочие дни были короче, летом длиннее. Всё просто: у всех свои правила.

Сам музейный комплекс также произвёл странное, но вполне благоприятное впечатление. В том смысле, что именно экспозиции я пока так и не увидел, но само здание и люди, в нём работающие, особый сладкий крымский воздух, кру-

жащий голову, оказывали такое удивительное воздействие, что выходить за ограду больше как-то не хотелось. Да и поздновато – почти ночь уже.

– Новый сотрудник?

– Да, и такой молоденький. По-моему, он даже не представляет, куда попал.

– Ха, и кто ему скажет?!

– Ох, милый, я даже не представляю, как такого можно убивать? Смотри, он старика Церберидзе так испугался, что даже отпрыгнул.

– Тем проще, дорогая, тем проще. Прежние историки доставляли больше хлопот. Как ты видишь смерть этого?

– Э-э…

– Твой дар предвидения не сработал, милая?

– Не доставай меня, грубиян! Мой дар при мне, просто почему-то…

– Ты издеваешься?

Я кое-как разобрал вещи, выложил блокнот из чемодана, попробовал рисовать, но света было маловато. Так, накидал пару-тройку набросков, остальное завтра.

Если им действительно нужен специалист широкого профиля по истории искусств, то, пожалуй, я буду рад здесь остаться. И, собственно, как оказалось, этот вопрос уже решён за меня. Список служебных обязанностей будет предоставлен завтра, завтра же и подпишем трудовой договор с выплатой аванса, а сейчас время отдыхать. После долгого пе-

релёта и бокала вина практически на голодный желудок это было самое оно. Но просто поспать мне, разумеется, не дали…

– Ш-ш-ш, парень, ты хто? – неожиданно раздалось над моим ухом, наверное, часа в два или три ночи.

На автомате я сначала махнул кулаком, целясь на голос, а уже потом открыл глаза. Ничего личного, просто служба в морской пехоте накладывает свой отпечаток. Нас так учили. Однако неизвестный, неловко качнувшись влево, успел увернуться.

– Ты хто такой, т-бя спрашивают? Ди-ирётся ещё.

Раздалось щёлканье зажигалкой, и в свете маленького огонька я разглядел невысокого, помятого мужчину с заметным пузиком, кудрявой чёрной бородкой, но почему-то рыжеватыми редкими волосами, зачёсанными назад и схваченными в хвост. Лицо приятное, черты греческие, хотя и мешки под глазами. Одет в подобие короткого банного халата или туники, на ногах растоптанные сланцы, в свободной руке холщовая сумка с чем-то округлым.

– Александр Грин.

– Не звезди-и! Он умер, – не поверил мужчина, вдыхая кислород, а выдыхая перегар. – Или шеф д-г-ворился и т-бя фыпустили из… тода чё, к-круто!

– Это моё имя, родители так назвали. Я новый сотрудник музея.

– У-у, нофый струдник…

– А вы… вы же пьяный, да?

– Можишь «тыкать», н-не обижусь, – он бесцеремонно уселся на стол, поставив сумку на табурет.

Потом поискал, нашёл в углу на подоконнике старую глиняную лампу и запалил фитиль. Ночной гость постучал себя кулаком в грудь, откашлялся и постарался говорить чуть чётче:

– Раньше это была моя комната, ключи я спёр. Директору, видишь ли, не нравится, когда сотрудники пьют на работе! А как тут не пить-то? Никак-бл!

Очень надеюсь, что он имел в виду сокращение от слова «блин». Потому что сам я мат категорически не приемлю, а если надо выругаться, то всегда использую старую добрую латынь. *Sic vibes*… как говорится, так и живём!

Хотя наш педагог по религиоведению обмолвился, что таким образом можно, вообще-то, случайно вызвать дьявола. Меж тем полуночный незнакомец вытащил из сумки пузатый глиняный кувшин или, правильнее сказать, греческую амфору.

– Денисыч, – он ткнул пальцем себя в живот и протянул мне ладонь: – Можно просто Диня! Специалист по древним языкам, работал тут в отделе изучения обрядов, песен и стихов первых греческих переселенцев. Лучший специалист! Но… выпнут его сиятельным коленом под зад, нашим драгоценным Феоктистом Эдуардовичем! И вот куда мне идти? Кому я ещё нужен?! Зёма, а давай выпьем?

Наверное, это первый случай в моей жизни, когда я не успел ни ответить, ни удивиться, ни даже опомниться, как уже сидел на кровати, закутанный в простыню, держа в ру-

ке широкую медную чашу, наверняка антикварную, из каких-нибудь прошлых раскопок в том же Херсонесе. Мой новый знакомый, подняв такую же, торжественно наполнил их густым багровым вином и, хотя язык вновь начал его подводить, старательно зачитал тост:

– Зевс ук-крал фракийскую принцессу Ивропу, пре-вратифшись ф быка. Так выпьем же за то, чтоб только с-самые красивые женщины заставляли нас носить рога!

Мы только успели пригубить, как сзади раздалось:

– Мальчики, вы не заперли дверь. – В проходе стояла босая Светлана в тончайшем пеньюаре на тонких бретельках. – Кажется, здесь говорили о женщинах и вине?

– Пре-е-лесть моя, присоединяйся-я! – Мой незваный гость и бывший сотрудник музея мгновенно уступил ей табурет, но девушка почему-то предпочла с ногами забраться ко мне на кровать.

Она доверчиво улыбнулась и без обиняков отхлебнула из моей чаши. В прямом смысле – ничего неприличного. Разве что сделала она это так сладострастно, что у меня разлилось приятное тепло внизу живота. Светлана мягко толкнулась плечиком:

– Расслабьтесь, я не такая. А этот тип уже рассказал вам, за что его уволили?

– За пьянство? – неуверенно предположил я.

– Диня не пьянеет, – важно кивнул мне сам Диня. – Особенность ар-р-рганизма, может зап-летаться язык, качать

как ф шторм, но мозг у мня кристально трезвый!

– Тогда за что?

– За то, что он в пьяном виде припёрся ко мне признаваться в любви.

– Пр-ротестую! Любофь – это не преступление!

– Он был почти голый.

– Неправда-а. Ф трусах!

– На голове, – безжалостно добила красавица. – Неприлично возбуждённый, орал, как кот по весне, разбил две амфоры старого вина…

– Ага-а, вино, знащит, ты пожалела?

– Я пожалела амфоры: всё-таки пятьсот тридцатый год до нашей эры, краснофигурной росписи осталось не так много, а когда вмешался Герман, наш приятель попытался откусить ему ногу.

– Ой, да я всего лишь х-тел, чтоб он стал хоть немношко… – Денисыч вновь отхлебнул вина и причмокнул пухлыми губами, – хоть щуть-щуть пахож на известную статую Геракла, где тот опирается на сфою дубину, как на костыль! А шеф-ф чёт не оценил и не понял…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.